

Рыбохотобзор.....

Хожу на охоту, пишу мои вирши...

Н. А. Некрасов

Добрая половина моего детства прошла в деревне. Здесь я с малых лет полюбил лес и воду – речки, пруды, озёра. И ещё – рыбалку.

Именно рыбалки помогли мне острее почувствовать природу, уважать её, бережливее относиться к ней, ко всему живому. А значит, помогли жить, работать, познать и полюбить нашу замечательную и добрую землю, нашу Родину.

Николай Старшинов

Высшее счастье доступно только тем, кто встаёт на заре: разве не рассветный, блистающий каждой каплей лес научил меня так ревностно любить родину мою, вятские увалы, с их перелесками, запахами сосны, можжевельника, пихты и замшелых валунов по песчаным берегам хрустальных северных наших рек!

Павел Маракунин

*Забыл он всё, что испытал,
Друзей, врагов, тоску изгнания
И, как невесту в час свиданья,
Душой природу обнимал!*

М. Ю. Лермонтов

Валерий КИРИЧЕНКО

г. Ангарск, Иркутская обл.

Заместитель главного редактора журнала «Северо-Муйские огни» по литературной критике. Член редакционного совета альманаха «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Член Союза журналистов СССР (1972) и России.

Душа твоего костра

Несметное множество костров на берегах речек в таёжных распадках никогда не похожи друг на друга. Во все времена. Потому что у каждого Костра своя Душа. Она сродни тому рыбаку или охотнику, который возжёт костёр здесь и сейчас и который зорко охраняет его пламя и свет, пока они не погаснут и не скроются в тлеющих всю звёздную ночь всполохах углей. Их теплое дыхание греет твою душу и уставшее тело на целебной хвое самобраной постели. Глубокое, ровное и могучее дыхание таёжника – унисон живой и благоуханной природы, что вечна, как покровы Пресвятой Богородицы.

Я никогда не был в тайге, но я всегда в ней. До тех пор, пока собрат мой писатель – прозаик или поэт – будут рассказывать на страницах литературных журналов о глубинном и светоносном дыхании неизбывной природы.

Вот Сергей Ворошилов из Петрозаводска. Он заслуженный изобретатель, технарь. Но прочтите подборку его стихов в литературном журнале «Северо-Муйские огни» – и вы не избавитесь от спонтанного восторга! Его «сердце баюкает стих», а «ветра напев колыбельной доносится под переборы реки». У Сергея «тают закатами дали таёжные», «гаснут просторы болот, с дымом уносятся думы тревожные прочь от житейских забот. Сквозь близорукую темень кромешную рвутся костра огоньки...». Наверно, того самого Костра, с которого я и начал свой душевный разговор.

Неповторимые лирические образы, ещё никем не исторгнутые из сердца, именно такие драгоценные поэтические метафоры, как у Сергея Ворошилова, – радости открытия истинного таланта нет конца! Изумительно одарённый поэт, с инженерной точностью склада лирического ума. Потому у него «сыплется искрами звёздное золото в блюдца карельских озёр», «и гудят ветрами скалы, и шумят ветвями сосны мне секреты Калевалы...».

Мне – тоже. Будто я по-прежнему, как полвека назад, а не сегодня, стою на посту на бескрайнем военном аэродроме Бесовец, ныне известном на весь мир. Стою у рядов быстрокрылых перехватчиков и самолётов-форсажей. Тяжеленный солдатский тулуп, обнимавший плечи моих воинов-предшественников, карабин – «калашников» за плечами и ... то самое карельское небо под Петрозаводском, усыпанное вдали от города высоким и бесконечным покрывалом бриллиантовых звёзд. На Севере они видны особенно ярко.

У поэта Сергея Ворошилова – тоже. Зимой у него «роются звёзды близко вокруг шальной луны», осенью «рысий визг царапает, закатом опалённую тайгу», «ветер плачет медью, запутавшись в редющей листве», а летом «луна печалит глаз», потому как «Млечный Путь, он тоже – охотничья тропа». Такие глубинные поэтические образы, бесценные метафоры – находки воистину дорогого стоят. Всевышний, видно, далеко не каждому дарует благословенный талант.

В эти минуты и моя юношеская душа поёт от счастья. Как у поэта Сергея Ворошилова, который был подростком тогда, когда я стоял в солдатском карауле в стране сорока тысяч карельских блюдцев-озёр. Они, действительно, порой крохотные, неповторимые, не похожие друг на друга. И загадочные

своими тихими тайнами. Сергей бесконечно прав, когда говорит, что «нет у Севера начала. И конца нет. Лишь просторы», где даже «август плывёт» в поисках «узоров глухарей», а не только март.

Я потрясаяще заколдован стихами поэта! Я весь «в отпаде», как изъясняется современная молодёжь, продвинутая во всех смыслах, не в пример нам, и держащая будущее «в зубах». Я преклоняю свои давно седые волосы перед нынешней, невероятно талантливой молодёжью.

Канадский писатель Сергей Демченко из города Виннипег публикует в журнале одностраничный, но содержательно ёмкий и сюжетно завершённый охотничий рассказ «Осечка». Название, конечно, далеко не оригинальное, но дело в сути произведения. Обратимся к кульминации и развязке рассказа.

«Вот он! Стоит смотрит на меня. Нет, не на меня – меня он не видит за скрадком, – пишет Сергей. – Он смотрит на мой скрадок... Огромные, чёрные влажные глаза оленя не спускают взгляда с моего скрадка. Я не могу повернуться, повернуть карабин... Он делает шаг ко мне, потом второй... Дышит открытым ртом, выбрасывая облачко белого пара при каждом выдохе, ноздри жадно ловят запахи. Красив олень! Рога в четыре отростка, абсолютно симметричные, белое поперечное пятно на шее и на морде, чёрный влажный нос и глаза... Чёрные, на выкате, сжирающие мою палатку. Он стоит, спрятавшийся в высокой траве... Однозначно – трофей! Хоть бы белка затарахтела или птица какая-нибудь голос подала... Тишина вокруг... Олень делает ещё шажок. До меня метров двадцать... «Стрелять – не стрелять?»... Ну, жми! Чего же ты? Палец поджигает спуск, но... осечка! Осечка в моём сознании... Не стреляю... Олень хорош. Он поворачивается боком ко мне, показавшись во всём своём великолепии... И моментально исчезает в молодняке».

Нужны ли после такой эмоциональной прозы комментарии? Думаю, нет. Я молча готов поцеловать талантливую руку писателя. И не только этого, а и Сергея Тюрина, что из посёлка Пчёлка в Самарской области. В своём рассказе «Без неё» (то есть без охотничьей собаки) он ведает о своих похождениях на вальдшнепов, нанизывая фабулы одну на другую. И всё так интересно и увлекательно! Но вот, наконец, фабула – развязка:

«Я остановился и вдруг краем глаза будто багром выцепил из пестроты лиственного опада знакомый пёстрый узор оперения вальдшнепа. Он сидел в паре метров прямо на тропинке, сидел прижавшись к земле и не моргая смотрел на меня своими чёрными бусинами глаз! Внутри опять вздрогнуло: а где собака? Да нет же её со мной!.. Но я почему-то очень сильно ощущаю её присутствие, словно вот она стоит по птице и показывает мне её своей мордой! Но её нет со мной, она ушла в начале сентября, ушла у меня на руках, молча стиснув от боли зубы. Я был с ней до последнего её вздоха...

Я сделал шаг, вальдшнеп взлетел с присущим ему шелестом и полетел по-над тропинкой. Не попасть было бы трудно. Но я не стрелял! Не имел права! Слёзы текли у меня по лицу...».

Потрясающий психологический портрет рассказчика! И высоконравственный образ центрального героя. У эмоционального читателя такая проза на грани психологического надрыва может вышибить слезу, как у самого автора. В этом – воздействие истинно художественного текста.

Не может оставить читателя равнодушным рассказ Александра Кобелева «Бумеранг». Поэт и прозаик из Новонкутска Иркутской области в юмористическом стиле повествует о вечно нетрезвом охотнике, который даже спяну всегда поражает цель.

Короткий рассказ написан занимательно и с такой сюжетной завершённостью, что не «подкопается»: «Степан, как всегда, не промахнулся». Вот в этой последней фразе и закавыка. Она, с точки зрения требований к рассказу, на месте. И всё же я бы её убрал. Читатель должен сам домыслить финал той или иной охоты на дикую, беззащитную и безвредную, козу, а не участвовать виртуально в её убийстве. Для авторов журнала «Северо-Муйские огни», позиционирующего себя экологическим изданием во всех смыслах, тем более странно. Ведь не о хищниках речь.

А потому вернёмся к нашему Костру, с которого затеяли разговор. Креативный прозаик из деревни Крутец, что на вологодчине, охотник-натуралист Дмитрий Побединский (фамилия-то какая!) свой рассказ так и назвал – «Костёр». Уж слишком обыденно и просто. Если записать все названия из одного слова, использованного поэтами и прозаиками, то получится целая книга «Костёр». И всё же это второстепенное. Здесь важен стиль произведения, его великолепная внутренняя аура, метафоричность и образность художественного языка:

«Я стою в тёмном ночном лесу... и вижу наш Костёр, моих добрых товарищей, золотые колонны сосен, полог плащ-палатки... Да, это он – мой сказочный каминный зал – удивительно красивый и необыкновенно уютный... Мне чертовски хорошо! Укладываюсь у огня... Мне уютно и спокойно – я знаю, что наш Костёр будет согревать нас своим теплом до самого утра, хотя пламя его и угаснет. Но в глубине его, под золой, будут потрескивать, даря нам своё тепло, его жаркие угли – Душа Костра».

Вот и название для рассказа! И всё же автор его не использует, хотя «свой» Костёр непременно величает с большой буквы. Писателю «чертовски хорошо», мне – тоже. Потому что это Душа и «моего» таёжного костра. И «твоего» тоже. Но каждый для нас он неповторим. Никогда!

Анатолий БАЙБОРОДИН

г. Иркутск

Член Союза писателей России.

Лауреат всероссийских литературных премий «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом» имени братьев Киреевских» (1999), Большой литературной премии России (2007); областных – имени святителя Иннокентия Иркутского (1997), губернатора Иркутской области (2002), имени Алексея Зверева (2007). Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени Василия Шукшина (1999). Лауреат Всероссийской литературной премии имени Валентина Григорьевича Распутина (2018).

Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Очарованная явь

Подлёдный лов хариуса на Байкале

Брату Александру Байбородину

Сколь уж зим пустомельных блажил я о подлёдном лове хариуса на Байкале, но отупляющая, опустошающая душу, житейская колготня, пропади она пропадом, мёртвой хваткой держала в своих цепких когтях. Буреломом городились поперёк рыбалки бесчисленные дела-делишки, коим не выдилось ни конца ни края. Но однажды Ефим Карнаков всё же сомустил меня на зимнюю байкальскую рыбалку и почти силком вырвал из клятой житейской суеты.

Выросший в забайкальской лесостепи, на берегу тихого озера, я, словно Божии небеса, не вмещал в лесостепную глухоманную душу величавое море, а не вмещаю, не сроднился с морем-озером и не смог запечатлеть в слове. А худо-бедно лет десять отжил в таёжном распадке, неподалёку от байкальского берега, и, случалось, любовался байкальской лазурью в тени скал, напоминающих богатырских ящеров, миллионы лет назад окаменевших на берегу Байкала и растревоженных пагубной человечьей суетой, и вдруг оживших, и утробно взывших, запрокинувших звериные головы. Видел я Байкал седой и грозный, тихий и ласковый, купальски тёплый и крещенски морозный, ледяной; бывало, покоится тихий, яко распаренный в солнечной бане, и даже лёгкая рябь не морщит озёрный лик, и вдруг, падши с хребта Саянского, грянет из Тункинской долины ветер-култук, либо разыграют сарма, баргузин, когда, словно дикие свирепые кони, летят ярые валы и, вздыбившись у скалистых берегов, взметывают к небесам белые гривы.

Помнится, в эдакий шторм маялся я на старом «Комсомольце» – доживающем долгий век байкальском теплоходе, – который то вскидывался к низким грозным тучам, то падал с крутой волны в бурлящую бездну... Собрался в журналистскую командировку из районного села Нижнеангарск в рыбацье селение Байкальское; ладился обудёнкой – на денек без ночевки, а лишь на третий день «Комсомолец» чудом причалил в усть-баргузинском порту. Помнится, сидел на берегу притихшего моря... белый туман клубился над морской гладью и уплывал в синее небо... сидел я на ошкуренном сосновом крыже, вяло жевал печенье, купленное на последние командировочные гроши, подкармливал сивобородого прибрежного козла, который сочувственно кивал головой, слушая мои жалобы. Словно древний козёл и присоветовал: поплёлся я, оголодавший, в усть-баргузинский сельсовет просить Христа ради копейки, чтобы на «аннушке» перелететь из Усть-Баргузина в Нижнеангарск.

Хотя я и не сроднился я с Байкалом, а манило к морю-озеру, вот почему, плюнув с высокой колокольни на бесконечные и неотложные заботы-хлопоты, я и рванул с Ефимом Карнаком на подлёдную байкальскую рыбалку, словно спылу и жару нырнул в студёную морскую воду, и сладостно защемила, потом вольно отпахнулась душа, истомлённая городским зноем.

...И вот уже позади усталая земля, впереди мартовский Байкал.

То ли сон, то ли очарованная явь: неземное безмолвие; ледяная степь в снежном покрове, широко и вольно утекающая в блаженно синее, вешнее небо; искристая бледность суметов на солнопеке, от которых ломит глаза и вышибает слезу; странные и бесплотные видения среди миража; приманчиво зеленеющий на облысках нагой лёд, выскобленный ветром, и торосы, бескрайними, вздыбленными грядами раскроившие озеро вдоль и поперёк.

Баюкая, навевая ямщицью дрему и сладостную грусть, от темна до темна маячила перед нашими глазами ледяная степь. И так три дня, пока мы через Малое Море, заночевав на острове Ольхон, потом – на мысе Покойники, где ловили бормаш – приваду и прикормку для хариуса, скреблись к Ушканчикам. Так умиленно величают на Байкале северные островки, где, баяли рыбаки, водилась уйма зайцев, ушканчиков, по-здешнему.

Кода наши две «легковушки», вспоров шинами закрепший наст, взяли в пушистых суметах, то нам приходилось ...словно озёрный хозяйнушко кружил... загибать многоверстные крюки, объезжая щели, дышащие тёмно-зелёной потайной водой; щели встречались узенькие, какие мы проскакивали махом, и пошире, которые нужно было огибать. Через одну щель, так и не доехав до её конца или начала, пришлось прыгать. Хозяева машин, высадив нас, рыбаков-попутчиков, вгляделись в пучину, похожую на драконью пасть, и, может быть, помянув рыбаков, сгинувших в полыньях вместе с машинами, мысленно осенили себя крестным знамением. А уж честным крестом заслонив жизнь от напасти, изготовились к прыжку... Смелая машина, где посиживал за рулем удалой парень, легко перемахнула щель, а другая, где правил пожилой, степенный мужичок, грохнулась задним мостом на край полыньи, зависла над пучиной и лишь потом... мы стояли бледные... с натужным ноем, испуганным стоном выползла на лёд. Мужичок... Гаврилычем звать... выпал из машины огруженным кулем, белый, как снег, и долго стоял, томительно приходил в себя, пугливо косясь на щель, которая,

блзнилось, ширилась на глазах, манила к себе, и в ней с хрустом и тоненьким, льдистым перезвоном плескалась растревоженная пучина.

– Не-е, мужики, видал я такую рыбалку в гробу в белых тапках! – Гаврилыч матюгнулся и тряхнул головой, словно от озноба.

Ефим Карнаков, или просто Карнак, по-забайкальски прищуристый, забуревший на озёрных ветрах скуластым лицом, жалостливо спросил:

– Ну чо, Гаврилыч, в штанах-то сухо?

– Тьфу на тебя!.. – старик осерчало сплюнул через левое плечо, чтоб угодить в нечистую силу, и, кряхтя, полез в машину.

Подмигнувши нам, сунулся туда и Карнак и, лёгкий на слово, безунывный, потом всю дорогу потешал нас, посмеивался над Гаврилычем, разгоняя дорожную скуку.

Потом мы вздыхали о нелёгкой доле нынешнего рыбака. Всё маетней и маетней даётся любителю-удильщику даже некорыстная рыбалчишка: всё меньше остаётся укромных, уловистых, диких вод, про какие Карнак хвастал: дескать, край непуганых рыб и бичей; да и сама рыбка, особенно речная да вот ещё байкальская, чтобы выжить, стала шибко хитрой, не в пример досельной, неразборчивой, прожорливой, готовой клевать и на голый крючок.

– Откуль же рыбе-то путней быть, раз вы угробили природу?! – укорил нас Гаврилыч.

Карнак огрызнулся:

– А ты, Гаврилыч, что, в космосе ошивался... Гляди-ка, мы природу гробили, а он бороздил воздушный океан...

– Не жалеете свою землю, нехристи поганые, – ворчал Гаврилыч, тиская руль, настороженно высматривая едва набитую среди суметов колею, иссеченную морщинами.

– Да, нету теперь ранешней рыбы; раньше речки кипели, когда рыба играла на рассвете да на закате... – загрустил было Карнак, но тут же и повеселел, припомнив или уж на ходу сочинив байку завиральную. – И ведь до чего дикая была... Помню, очутился я, паря, на Северном Байкале... Груза сопровождал и по морю, и по суше, и по небу... А на Северном Байкале как раз БАМ зашевелился – Байкало-Амурская магистраль. Толи в семьдесят пятом, то ли в семьдесят шестом, но суть... И вот прилетел из Нижнеангарска в Уоян. А с Уояна на машине попёрли груз в тайгу, вёрст за тридцать... в край непуганых рыб и бичей. О, паря, где рыбалка-то была, а!.. Там бригада мост через речку ладила, ну, я им груз и сдал с рук на руки. Оборудование, инструмент... А весна была – багульник на сопках цвёл, проталины на речке.... Гляжу, а у мужиков на бельевои верёвке ленки да харюзя вялятся. От, думаю, дурья моя голова, а!.. не сообразил удочки взять... Ну чо, паря, делать, давай у мужиков шукать. Дали мне уду, а крючок голый.

«Ловко, – говорю, – рыба уже и на голый крючок клюет...» «На советский...» – отвечают. «Какой ещё советский?» – спрашиваю. «А такой советский... От флага лафтаки отдирам, наматываю, вроде, и клюет...»

А я сразу увидал и диву дался – висит, паря, над вагончиком... флаг не флаг – мочалка, тряпка рваная. Смехом ещё спросил: «Какая тут власть, мужики?» – и на флаг кажу. «Закон – тайга, – говорят, – а медведь – прокурор». «Ну, тогда ладно, мы к медвежьей власти привычные...»

Но чо делать?.. Прости, говорю, компартия и советская власть – нужда прижала... Да и от красного флага клочок рванул... И веришь, Гаврилыч, намотал красну тряпицу на крючок, в проталину уду бросил, тут же ленок из-подо льда ка-ак даст!.. Вроде быка на красную тряпку кинулся. Едва жилку не порвал. На три кила потянул... И мигом я, паря, куль накидал. А ленки-то, ленки-то, Гаврилыч, во!.. – Карнак на полный отмах раскинул руки. – Тебе такие и не снились... Поклонился я красному флагу и советской власти...

– Мели-и, Емеля, твоя неделя, – отмахнулся Гаврилыч. – Язык-то без костей. Вот таких, как ты, Ефим, и зовут – холодные рыбаки. Какие на языке ловить мастера. Сядут за стол, винища надуются и таких ловят харюзей, что диву даёшься! А как до дела – удочку-то не знают за какой конец брать. Живого рыбьего хвоста не видали...

– Ничо-о, Гаврилыч, будем посмотреть, кто кого переудит. У меня нынче такие мушки – твоим-то и делать нечего возле моих... Такую закуску сгоношил – сам бы в охотку слопал... До третьих петухов шаманил с этими мушками – куколки вышли, любо-дорого поглядеть, а того дороже – заглотить... Но ниче-о, два-три пуда всяко разно добуду...

Гаврилыч снисходительно покосился на хвастливого Карнака:

– Кулей-то мало взял... вранье собирать.

Карнак засмеялся:

– И вот, Гаврилыч, до чего же на Уояне рыба дикая жила – как бык, на красну тряпку кидалась... А теперичи и не знаешь, какую нитку ей, холере, наматывать... У меня братан... тоже рыбак заядлый... так у него этих ниток – вагон и маленька тележка. А ему всё мало. Как-то с им в очереди стояли за эфтим делом, – Карнак лихо щёлкнул себя в кадык. – Вижу, братан мой к девахе вяжется. Хотя и женатый, паразит... А парень из себя бравый, кудрявый. Деваха-то и разомлела, глазками постреливат. А братан ей: мол, девушка, можно вас попросить?.. Девка лыбится, как сайка на прилавке, глазками поигрывают: дескать, можно, если осторожно.

– Тут, значит, такое дело... – братан ей толмачит. – Короче, можно я у вас из шарфа пару ниток выдерну? Я, мол, рыбак, мне бы такую нитку на крючок намотать. Мушку замастрячить... на харюзей...

Но тут, паря, девица аж взвилась:

– Ты, – говорит, – не рыбак, а чудак...

А братан ей:

– Ишь, какие мы нервные... Ну, ежели хочешь, можем и выпить, посидеть... Но сперва бы ниточку из вашего шарфа...

Деваха фыркнула: дескать, пошел-ка ты... козел душной!

Крепко обиделась, бедная... Так вот, в добром шарфе либо в путнем свитере лучше к братану не ходи – мигом нитки повыдергиват...

Слушал я Карнака и тянул свою вялую обиженную думу: да-а, теперь, когда речки поугробили где вырубками в устьях, где сплавом, где пахотой, когда рыбы осталось с гулькинос, это же художником надо быть... народным, чтоб обмануть омуля либо того же хариуса. Это же надо со всякими оттенками, в четыре нитки намотать мушку, потом расчесать гребешком, распустить, да так приглядисто, так вкусно её сгношить, что, вроде, и сам бы клюнул за милую душу... А так и выходит: хоть сам и потчуйся таким гостинцем вместо хариуса.

На Большом Ушканьем острове жил о ту пору мой приятель – за погодой присматривал, чтоб не шалила, а по весне нерпу промышлял, – слыл он и добрым знакомцем Карнака, потому мы и дунули на заячьи острова. Михайло Скворцов, так звали приятеля, поменявший столичную жизнь на глухоманную, умудрился на острове выращивать кабанчика; но когда мы, открыв тяжкую дверь, обросшую снежным куржаком, спустились в сырую землянку, открыли калитку в тесный загончик, на нас кинулся обросший густой шубой, тощий зверь со зловеще горящими глазами; едва успели выскочить и запереть калитку. Вот до чего приятель довел скотину, озверела от голода, обросла от холода... Вечер я провёл у мужика, коренастого, копчёного, что жил через стенку, пил чифир, вспоминал лагерь, где сидел, шил собачьи унты, иногда ловко кидал нож в дверь, и без того изрешечённую, и толковал: «Я же, паря, не русский, я – казак. Отец мой такую силу имел, что даст в лоб быку, тот на колени...»

Перед рыбалкой мы с приятелем до третьих петухов колдовали над мушками, и вышли они, чисто куколки, любо дорого поглядеть, а того дорожке заглотить. Ан нет, не тут-то было.

– Ишь, небо-то вызвездило – прижмёт завтра мороз, – упредил Карнак, придя со двора. – Поморозим сопли на льду. А ежели хиус или сиверко¹ задуёт, дак и вовсе проберёт до костей. Овчинная доха не спасет...

– Ничо-о, дело привычное, – махнул рукой Гаврилыч. – Лишь бы рыба тянула, лишь бы фарт задом к нам не повернулся.

– Будет тому фарт, кто с бабой перед рыбалкой не грешил, – улыбнулся Карнак. – А ты, Гаврилыч, опять не удержался, баушку к печке прижал...

– Тьфу на тебя, ботало коровье, – привычно и беззлобно сплюнул Гаврилыч и пошёл укладываться спать возле печи.

Выехали ни свет ни заря; перебрались с Ушканчиков под самый коренной берег, задолбились в торосах, кинули по жмене бормаша² в лунки, и пошли тут мои напарники тягать хариусов – благо, и глубь с локоть – а у меня молчок, хоть ревушкой реви. Уж и совал хариусам под самый нос мушку, когда ложился среди замёрших ледяных заломов, когда и азартно, до забвения, до сонного беспамятства разглядывал, как, темнея спинами, бродят взад-вперед степенные хариусы, – чудилось, опусти руку в лунку – и хватай их за жабры; потом и бормаша вывалил им с три короба, и мушкой поигрывал и так и эдак – всё впустую, даже и глазом не ведут. Правда, один здоровенный такой, которому я назойливо совал мушку, даже на спину клал, которому я вслух жадно и моляще шептал: дескать, клюнь, минок, клюнь, чего тебе стоит, а мне радость, – вот этот хариус прищурился, взгляделся в мою мушку, пошамкал беленьким ртом, усмехнулся, мол, поищи дурака в другом озере, – да как саданет мушку своим матёрым хвостом, та аж прилипла ко льду, а я с перепугу даже шатнулся от лунки. От варначьё³, едрит твою налево!.. – матюгнулся я в сердцах, потому что злая меня охватила досада.

Побранил я варнака, побранил, да и махнул рукой на холодную рыбалку, пошёл считать ворон, что слетали с безмолвно чернеющих прибрежных листвяков и, оглашено каркая, вились над лунками Гаврилыча, где заколодевшие, припорошенные снегом, топорщились хариусы, будя во мне лютую зависть.

Обленившись, перестал я расчищать свою лунку, затянутую снежным куржаком, и лунка подёрнулась тоненьким ледком. А жилка, замороженная, вся в катышах, торчала кривой проволокой; и не верилось в чудо чудное, что она может вдруг пружинисто натянуться и заиграть над клюнувшим хариусом. Пробегая мимо меня к машине, Карнак сочувственно спросил:

– Ну, как, паря, рыбка плавает по дну, хрен поймаете хоть одну?

Видимо, я слишком мрачно, обиженно глянул на него, потому что Карнак стал утешать меня:

– Ничо-о, терпи, казак... вернее, рыбак. Терпи... Жди... Жди, жди – рыба должна подойти.

¹Хиус, сиверко — студёный северный ветер.

²Бормаш (бормыш) — мормыш: пресноводный рачок-бокоплав рода *Hammarus*, известный в Прибайкалье, Забайкалье, Якутии.

³Варначьё, варнак — так в Сибири ругали вороватых и разбойных людей.

И уметелил. А мне ничего не оставалось, как, одолев гордыню, брести на поклон к Гаврилычу – тот удил неподалёку – и просить его из милости, чтоб показал свою мушку. Гаврилыч, уже подхваченный суетливым, тряским азартом, быстро сунул мушку к самым моим глазам, и не успел я толком разглядеть, как тут же и кинул её в лунку.

Эдак тянулось до обеда, и я, не добыв и захудалого хвоста, сидел возле лунки туча тучей. А когда собрались чаевать, Гаврилыч с едва утаённым самодовольством, важно поучал меня, сжалился, сердечный:

– Надо, Анатолий, такую мушку накрутить, чтоб на бормаш личила, и чтоб красивше бормаша была, и тогда... и тогда же, холера, брать не будет, тово-ново бы ей на лопате.

Доступно растолмачил, и всё стало ясно, – надо хариусам тово-ново на лопате...

– А вот я, мужики, на Тихом океане удил, – припомнил Карнак.

– И кита заудил, – улыбнулся молоденький паренёк, хозяин легковушки, по фамилии Кот.

– Зачем кита? Тоже на подлёдном лове, в Амурском заливе... У меня брательник во Владике живёт, тоже рыбак добрый, вот он меня и вытащил на рыбалку. А я перед тем брательника спрашиваю: дескать, как на Тихом океане-то рыбачат?.. На что ловят: на мушку, на бормаш, а может, на блёсенку?.. Да-а... – рукой машет, – у нас на Тихом океане рыбачат точь в точь, как у вас на Байкале: приезжаешь, открываешь, наливаешь... можно чокнуться.

Кот, услышав про «открываешь, наливаешь», тут же азартно потёр руки:

– Что-то ноги стали зябнуть, не пора ли нам дерябнуть?

Карнак, выпить не дурак – мастак, неожиданно поморщился:

– Сам не буду и вам не советую. Лучше чаю горячего.

– Верно, по рюмочке чайку... за рыбацкий фарт.

– Вы как хотите, а я не пью...

– За уши лью...

– Почему? Выпить можно, ежели осторожно. А на рыбалке я не пью, извини уж, да-ра-гой... Рыбалка... Тут уж, паря, выбирай: либо рыбу ищи, либо водку глуши. Так от... А водку пьянствовать можно и в городе, ежели в кармане бреньчит... ежели деньга ляжку жжёт. Охота на природе – махнул на дачу, под малину залез – и поливай её, родимую... пока не сдохнешь... А на рыбалке же как? Выпьешь, потом ходишь, как чума огородная, – не рыбалка уже, а... Добрая рыбалка, паря, она ить покрепче водки и послаще бабы...

– Так уж и послаще... – игриво повёл плечами Кот.

– Послаще... Не даром о рыбаках поют: кто женой не дорожит, тот над луночкой дрожит...

Напившись горячего чая из термоса, сменил я мушку по совету Гаврилыча и уже веселее потопал к своим лункам, чтобы, если и не удить, то хотя бы зариться на этих зажавшихся поросей, когда они, набежав, быстро склёвывали бормашей, которыми я щедро, словно на откорм, потчевал их.

Гаврилыч же ворон не считал и не дивился на хариусов; что-то подшаманивал со своими удами, да всё подёргивал, потаскивал рыбу, расхаживая промеж добычливых лунок. Я же, горемычный, чтобы вновь не запалить в себе обиду до слёз, старался лишний раз не глядеть в его сторону, хотя всей озябшей на хиусе спиной остро и отчетливо чувял, как выметывал старик очередного хариуса.

Я, кажется, призабылся и плыл сквозь ласковую тёплую дрёму; вспоминалась летняя рыбалка на родных Забайкальских озёрах, потом – моя маленькая дочь, по которой я скучал, даже если расставался на день; потом в дремотном воображении стал нарождаться рассказ об этой рыбалке... и вот тут услышал истошный, матерный крик Гаврилыча...

Верно баят добрые люди, что и на старуху бывает проруха: пока Гаврилыч удил возле меня, с крайней лунки вороны украли чуть ли не с десятка рыбин и перетаскали к себе в прибрежный лес. Одна ворона как раз и греблась к чернеющим листьям, держа в клюве хариуса, который взблескивал на ярком, но холодном солнце.

Матерясь на чём свет стоит, размахивая медным сачком, каким вычерпывают ледяное крошево из лунок, потрусил наш старик оборонять оставшихся хариусов; и долго потом клял ворон и весь их варначий род до десятого колена и суетливо пихал оставшуюся рыбу в крапивный куль. А варначьи птицы, как он их в сердцах окрестил, всё кружили и кружили над его бедовой головой или похаживали рядом, подскакивали, будто носимые ветром, да, кося лукавыми цыганскими глазами, каркали. Сначала – благодарно: «Кар-р-р, Гавр-р-рилыч, благодар-р-р-ствуем!..» Потом властно и настырно: «Кар-р-р, кар-р-р, Гавр-р-рилыч, Гавр-р-рилыч р-р-рыбы, р-р-рыбы!..»

Что уж греха таить, тут я повеселел, даже оттеплил, глядя на Гаврилыча, который ругался с воронами и казал им то кулак, то яростный кукиш, потому что ворьё изловчилось и с другой лунки уперло пару рыбин. Наконец, Гаврилыч устал лаяться, пристыдил ворон и даже пушнул в них снежным комом, но чёрные птицы, словно дворовые куры, просящие зерна, ходили за ним по пятам, провожая от лунки к лунке.

Ловили Гаврилыч с Карнаком, ревниво косясь друг на друга, – кто кого переудит, а мы с Котом зарились на фартовых рыбаков, томили душу. Приятель мой, житель Ушканьих островов, с которым мы крутили беспроклятые мушки, поудил с утра и, плюнув в лунку, уехал домой на мотоцикле. Кот начал

злиться, и тогда Карнак сунул ему свою самую, как он побожился, рабочую мушку и посадил на самую рабочую лунку; и пошёл тот тягать харисов, пока не оборвал крючок после резкой, заполошной подсечки. Карнак побурчал, но оторвал от сердца ещё одну мушку, тоже, вроде, ходовую. Вообще, у рыбаков такое в заводе, чтобы каждый сам беспокоился о своих удах, и у редкого можно выманить ту же мушку прямо на рыбалке. И не жадность тут, вроде, а рыбацье суеверие – и суеверие давнишнее.

Я каким-то дивом всё же выдернул пару хариусов-задохликов, и как отрезало – видимо, только и плавали в Байкале две дурные рыбёшки, сдуру и сослепу клюнувшие на мою уд. Верно рыбаки посмеиваются над собой: дескать, на одном конце червяк, на другом – дурак...

Дурак... И тут неожиданно и живо увидел я на одной из лунок взъерошенного волка, опустившего хвост в воду и довольно хвастливо озиравшегося, ждущего поклёвки. Затосковавший от безрыбья, озябший, волк был так похож на меня. Потом я увидел, как его – или меня?.. – замороженного, хлещут бабы коромыслами, как он – или опять же я?.. – лишившись хвоста, с обиженным воем трусит по заснеженному льду, и одна лишь дума распирает его жаркий череп: ну, лиса, едрит твою налево, доберусь я до тебя, выделаю шкуру... А уж после привиделось, как по-над берегом плетётся кляча, седая, в снежном куржаке, запряженная в сани, и лиса за спиной дремлющего старика Гаврилыча выкидывает рыбёху на просёлок...

Я уже отупел от такой скудной рыбалки, перестал ощущать себя среди синеватого снежного безмолвия – кто я и где я?.. – и, положив про себя на музыку, распевал на все лады, уже и не чужая и не слыша песни:

Кто женой не дорожит,
Тот над луночкой дрожит...

Вот и жена помянулась тёплым редким словом: эх, думаю, какой лукавый понёс меня на зимнюю рыбалку за сотни вёрст, чтобы сопли здесь морозить, посиживал бы сейчас возле жены, попивал чаёк...

От скуки решил я сходить в береговой лес, глянуть в заметённую снегом зимовейку, какую чудом высмотрел под кривыми листьями; и когда я проходил мимо Карнака, тот вдруг замахал рукой, подманивая к себе.

– Ты глянь, паря, чо деется на белом свете! – удивленно пуча глаза, заговорил он и показал мне мушку. – Дал её Коту, Кот её сдуру оборвал, а счас вытаскиваю хариуса, гляжу – ёкарный бабай! – у него две мушки торчат из пасти. Моя и та, какую дал Коту. От ловко, дак ловко... Всю жизнь рыбачу, но такого не видал... Ежели губу поранишь, рыба потом близко к удам не подходит. А тут прямо с оборванной мушкой – крючок аж в губу впился – и другую мушку хватать. А я её сразу узнал – она у меня самая рабочая...

И то ли я шибко жалобно глядел на фартовую мушку, то ли сам Карнак от удивления расщедрился, но только всучил он мне эту пеструю обманку: дескать, на, лови, парень, нам не жалко. Схватил я добычливую мушку тряскими руками и бегом до своих лунок.

Не видать бы мне рыбьих хвостов как своих ушей, вернуться на Ушканчики с полыми руками, если бы не эта мушка, – спасибо Карнаку, – на которую я успел до потёмков выудить десятка полтора добрых хариусов.

А уж мягкие, исподвольные сумерки распушились и вызрели в чернолесье среди худородных, печальных листвяков и крученых берёз, редко и коряво торчащих среди топкого снега; вечерняя тень с рысёй вкрадчивостью сползла с крутого яра в ледяные торосы, где ещё плавал рассеянный закатный свет, и будто пеплом стал укрываться засиневший напоследок снежный кров. Тишь была полная, неземная...

Мы ещё постояли возле машин, прощаясь с гаснущим днём, поминая его добрым словом, кланяясь озеру. Карнак вздохнул, как бы освобождаясь от рыбацкого азарта, и сказал:

– Ну, слава Богу, поймали маленько, и на том спасибо, Господи. И дай Бог, чтоб завтра клевало.

Набело смывается в памяти случайное, будто слезной байкальской водицей, и от зимней той рыбалки мало что запомнилось, но осело навечно ощущение полного, голубоватого, снежного покоя и безмолвия, когда наши утихомиранные, полегчавшие и осветлённые души парили в синеве вешней и дремотно нежились над спящим озером.

1987 год

Дмитрий ПОБЕДИНСКИЙ

д. Крутец, Устюженский район, Вологодская обл.

В прошлом – инженер-программист, страстный охотник. Ныне – хозяин гостевого дома на Вологодчине, охотник-натуралист. Автор нескольких рассказов о природе и охоте. Публиковался в журналах «Охота» и «Русский охотничий журнал».

Рассказы

Книга жизни

Один из самых лёгких, самых незаметных, неслышных звуков на свете – звук падающего снега в безветренный зимний день. Звук, возникающий при соприкосновении микроскопических лучиков крошечных снежинок, завершающих свой волшебный неспешный полёт. Этот звук улавливается самым краешком слуха – он, скорее, больше подозревается, чем слышится – просто в какой-то момент осознаешь, что он есть.

Я очень люблю этот звук – и иногда, зимой, готов удрать из города только для того, чтобы услышать его. Город слишком эгоистичен, чтобы позволить своим жителям (или пленникам?) испытывать столь чуждые ему ощущения – он, как ревнивая мачеха, использует все доступные ему средства, чтобы мы не расслышали робкого зова нашей незаслуженно забытой матери-природы. Город подсовывает нам парки и скверы, но и они насквозь пропитаны его дыханием – отдалённым гулом шоссе, гомоном гуляющих или спешащих куда-то людей, лаем собак – да мало ли ещё чем. Городская жизнь чужда тишине и созерцанию – потому мы и стараемся хоть ненадолго вырваться из её цепких объятий, чтобы побыть наедине – с собою, с природой, и, наконец, друг с другом.

Для этой цели зима – самое подходящее время года. Она тише, спокойнее, чем все остальные. Нет ярких красок, отвлекающих взгляд, нет того, смешанного с шелестом листвы, птичьего гомона, в котором тяжело разобрать отдельные звуки – есть тихая, чуть дремотная природа – и в ней каждый звук хорош, ценен, яростно уже сам по себе – как маленький шедевр гениального художника или музыканта.

Есть и другие зимние дни – дни морозные, солнечные, когда становится больно смотреть на ослепительно сверкающий снег, когда в душе возникает неумное возбуждение, порыв, восторг – и сердце непроизвольно начинает колотиться. В такие дни хорошо бегать по снегу, резвиться, играть в снежки – но такие дни совершенно не подходят для задумчивых, тихих прогулок, для наблюдений, созерцания...

В тихий, безветренный денёк, когда небо, хоть и задернуто облаками, но не серо, когда редкие-редкие снежинки нет-нет, да и опустятся на щеку или на рукав, так хорошо войти под своды леса. Всё вокруг безмолвно, неподвижно, лес кажется спящим. Поневоле начинаешь ступать осторожно, мягко, чтобы не зашуметь, не нарушить его покоя. При каждом шаге, ставя ногу на снег, чувствуешь, как он подаётся, проседает под твоим весом, как крахмально он похрустывает, когда тысячи и тысячи снежинок прижимаются друг к другу. Каждый шаг ощущается, доставляет удовольствие, кажется важным и существенным – достаточно оглянуться, чтобы увидеть оставленные тобой следы.

Идешь и поневоле любишься тонким изяществом веточек, припорошенных снежком – до чего они контрастны, прихотливы, изящны, как они легки и воздушны... Летом они не так заметны, укрытые за пышностью зелени – они заняты важной работой, служа опорой другой красоте – яркой, сочной красоте цветов, листвы... Зима – их время покрасоваться, быть, наконец, по достоинству оцененными.

Но вот и ель – в своём сказочном зимнем наряде. С пушистыми шапками белого снега, лежащими на её широких лапах, она кажется такой мягкой, такой по особенному уютной – словно избушка с засыпанной снегом крышей в глухом лесу. Летом, на фоне более яркой листвы, её зелень кажется тёмной, даже несколько угрюмой, мрачноватой. Но зато теперь, в окружении чёрных, белых, всех оттенков серого, тонов – как же свежа она, какой кажется живой, сочной, яркой – не так ли бывает и в общении с людьми, когда для того, чтобы в полной мере оценить достоинства собеседника, надо пообщаться с ним наедине, вне толпы?..

Но это всё – пейзаж, обложка великой Книги Лесной Жизни, страницы которой – ослепительный, чистейшей белизны снег, а авторы – жители этого сказочного зимнего леса. Все те – от мала до велика – кто здесь бегает, прыгает, перепархивает между деревьями, кормится, охотится, убегает и спит. Каждый из них оставляет свои следы, свои пометки и рисунки на страницах этой книги... потом... потом приходит снегопад и открывает новую страницу этой книги, бесконечной, как сама Жизнь.

Неспешно иду, вглядываясь в цепочки крошечных, словно прутиком наколотых, следочков. Не иначе – мышка, торопилась куда-то по своей надобности. Ого – а вот и лисьи следы – рыжая пришла из-за заросли небольших ёлочек, не то услышав, не то почуяв мышку – и побежала по её следу. Решаю посмотреть, чем дело кончилось, иду по лисьему следу – судя по всему, след уже давний – припорошен изрядно, но всё равно – интересно! Но вот – ого! – заячий след, по касательной пересекающий мой путь – и какой свежий! Такое впечатление, что отдельные снежинки, выметенные лапами, ещё продолжают, оседая, виться в воздухе! Вот это да! Пульс сразу учащается, становится тепло. Шустро удирал, пострел – уж не от меня ли? Ну, догонять зайца по такому снегу – занятие, на мой взгляд, не самое оправданное! Так что гораздо интереснее – посмотреть, откуда он соскочил. Возможно, даже удастся найти место его лежки. Стараясь не шуметь и не особенно сильно размахивать руками, зарываясь в снег, бреду по свежему следу. Очередной шаг... О, черт! Подошва соскальзывает со ствола поваленного деревца, совершенно укрытого снегом. Всё, прощай, моя старательная маскировка! С оглушительным треском падаю прямо в объятия невысокой ёлочки, радостно осыпаящей меня охапками снега. И в этот самый момент успеваю заметить, как, метрах в пятнадцати от меня, словно взрывается маленький сугробчик и беляк, взметая фонтанчики снега и заложив уши, стремительно уносится в глубину леса. Ах, шельмец! – судя по всему, обежал меня тихонечко по малому кругу, да и

вернулся на свою лёжку – досматривать сладкие сны! Ну, теперь-то он уж подальше отбежит! Кряхтя, поднимаясь, отряхиваюсь, оглядываюсь по сторонам...

Ранние зимние сумерки начинают сгущаться, а мне ещё идти и идти до дома – успеть бы дотемна. Надеюсь, зайчишка всё-таки досмотрит сегодня свой самый красивый, тёплый и светлый сон – сон о грядущем лете.

А утром повалил снег – пушистый, белый, сверкающий. Этот снег перевернул страницу Великой Книги с рассказом о незадачливом охотнике, угодившем в объятия маленькой, стройной ёлочки и тем изрядно напугавшем многих обитателей сказочного леса.

Вот и зимой не сидится мне в городе...

Междузорье

Весна... Есть у Природы такое удивительное время года, когда происходят события, которые не могут оставить равнодушным никого, обладающего живой душой и сердцем. Время возрождения жизни от зимнего сна, время брачных игр, пробуждения страсти, время долгих дней и коротких ночей, перемежающихся зорьями, когда и происходит всё самое таинственное и интересное. Природа словно рождается заново, молодеет, теряет голову, на глазах утрачивая холодно-рассудительную, осторожную зимнюю мудрость и наполняясь юношеской пылкостью и безрассудностью. А если человек ещё и охотник, то есть натура внимательная, отзывчивая и страстная, то его сердце неизбежно отзывается на кипящие в весенней природе страсти особенно остро и ярко, заставляя жаркими толчками бежать кровь, покрывая щеки ярким румянцем, заставляя всей грудью, с наслаждением вдыхать пьянящий, густо наполненный весенними ароматами, воздух.

А если охотник – увлечённый, знающий и ценящий старинные традиции русской охоты, он неизбежно вспомнит добрым словом удивительную весеннюю охоту – на глухариную току. Могучие древние птицы, поющие в полумраке утренней зари свою загадочную, необычную, прямо-таки мистическую песню, с громким хлопанием и шумом делающие «свечки», насакивающие друг на друга в жестоких схватках... Нас с женой эта невероятная, глубокая магия весенних глухариных токов очаровала давно и сильно. Каждый год, едва поутихнут осенние охотничьи страсти и заготовительные хлопоты, войдёт в обычную бытовую колею жизнь и плотно установится зима, мы начинаем всё чаще вспоминать это удивительное таинство природы, ждать весну, строить планы, готовиться...

А потом... потом наступает она – долгожданная Весна, которая налетает, словно вихрь, подхватывая душу, как легчайший лепесток, и уносит её в короткий, но такой яркий и запоминающийся полёт весенней охоты, в лесные дебри, наполненные ароматами просыпающейся Жизни, гомоном птичьих голосов, потрескиванием и теплом костра, сладкой истомой утомлённых лесными переходами мышц и наполненной восторгом души. Весенняя охота коротка, но воспоминания о ней, об этом восторженном полёте, остаются в сердце навсегда. А в охотничьем дневнике появляются несколько строчек, набросанных наскоро, торопливым почерком, прежде, чем сморит крепким сном накопившаяся усталость...

В этот раз мы решили прийти на ток с вечера, чтобы сперва успеть вдоволь посидеть на подслухе, потом скоротать ночь в лесу у костерка и уже утром поохотиться. Такой подход мы с женой считаем самым правильным для охоты на глухариную току – он позволяет, никуда не торопясь, в полной мере насладиться этим весенним таинством, получить максимальное удовольствие от этой замечательной охоты. В блекнущем свете затухающей зари так дивно звучат звуки, издаваемые прилетающими к токовищу птицами – их шумная посадка, кряканье, вечерние песни наиболее ретивых певцов. Если в такой вечер попробовать аккуратно подойти к птице, можно увидеть, как она обрывает песню, делает паузы, время от времени будто бы роняет робкие, одинокие щелчки, словно сомневаясь сквозь дрему – продолжать ли свою песню или отложить на завтра. Краски вечерней зари гаснут, меркнет небо, сгущаются тени.

Вот-вот наступит время суток, которое мы между собой иногда называем «междузорьем» – это то особенное время между вечерней и утренней зарёй, которое бывает на Севере в мае, когда ещё не наступили белые ночи, когда вслед за угасшими красками вечерней зари, хоть и на короткое время, но всё-таки наступает настоящая, густая ночь. И вот уже певец складывает свой хвост-веер, немного горбится, словно нахохливается – петух засыпает.

Самое время и нам с Иришкой уйти потихонечку с тока, пока ещё не окончательно стемнело и можно идти без фонаря. Надо ещё успеть отойти хотя бы метров на четыреста по направлению ветра от тока, найти укромный уголок с удобной валежником, сидя на которой можно будет коротать ночь и, наконец, разложить маленький костерок. Самая большая сложность – дрова: с треском ломать что-либо или, тем более, стучать топором возле тока нельзя ни в коем случае – резкие звуки очень далеко разносятся в тишине ночного леса. Этот лишний шум может настолько сильно потревожить птиц перед утренним токованием, что вся охота будет безнадежно испорчена.

Если бы в лесу было сухо, то можно было бы обойтись валежником, однако вчера чуть ли не целый день выпал дождик, да и тающий буквально на глазах снег добавляет сырости. В таких случаях нас обычно выручает какой-нибудь старый, трухлявый сосновый пенёк – с него можно ножом сострогать замечательных смолистых, дивно пахнущих канифолью, стружек на растопку. А если повезёт – то и аккуратно, тихонько, без лишнего шума отделить коряжину, которая замечательно горит. Впрочем, большой костёр нам и не нужен – ночь короткая, да и разводить большое пламя незачем – нам достаточно вскипятить воду для чая и немного отогреть зябнувшие на предутреннем морозце руки.

Вот заплесали на кудрявых смолистых стружках весёлые язычки пламени, мы подкладываем в костерок щепочки покрупнее, потом – коряжину, ждём, пока она займётся. Пора бы уже набить снегом котелок и приспособить его над огнём. Пока плавится в котелке снег, под уютное потрескивание дров так хорошо неспешно поговорить – о прошедшем дне, о том, как хорошо быть вместе, обо всём том

малом и большом, о чём не нужно слышать больше никому на свете. Сейчас во всём мире есть только мы и эта бархатная ночь, окружающая нас, только пламя костра и звёзды над головой.

Но вот зашипел, забулькал, закачался котелок, начал брызгаться кипятком из-под помятой, неплотно закрывающейся крышки. Надо его быстренько снять, засыпать пару горстей заварки и оставить возле костра на несколько минут – немного «притомиться», настояться. Заболтались мы, не заметили, как он закипал, да и немудрено – так легко и хорошо вьётся разговор у ночного костра!

И до чего же приятно пить чай, сидя у такого маленького, уютного костерка, вспоминая подробности вечернего подслуша и мечтая о приближающейся охоте. Поочерёдно передавая друг другу котелок, не спеша чаёвничаем. Времени у нас ещё достаточно, можно не торопиться. Похрустывая припасённой сушкой, прихлёбывая ароматный сладкий чай, так хорошо размышлять, каков будет завтрашний ток, загадывать, какой из петухов, запримеченных накануне, запоёт первым и давать самому себе зарок – подходить не к первому и даже не ко второму, а лишь к третьему, чтобы не лишиться ток его самого активного токовика. В лесу полная тишина, лишь тихонько потрескивает костёр, да время от времени прокричит неясить.

Но коротенькая северная майская ночь уже на излёте – едва мы успели попить чаю и немного понаслаждаться тишиной и покоем, глядя на огонь, как уже стало пора тушить костёр и двигаться на ток: туда лучше всего подойти заранее, ещё затемно, чтобы успеть услышать самую первую песню наступающего утра.

Идём без фонарей, потихоньку, стараясь нисколько не шуметь – напугать птиц сейчас было бы особенно обидно. Пробираемся к давно облюбованному, заветному «подслушному» местечку, с которого слышно наибольшее число токовиков, и замираем. Сейчас мы целиком превратились в слух – невольно стараемся даже дышать потише, чтобы не мешать себе расслышать негромкие первые щелчки глухариной песни. Сколько раз мы уже встречали зарю на глухарином току и я снова и снова удивляюсь тому, какое радостное волнение вызывает в душе первый расслышанный звук глухариной песни. В этом есть что-то поистине магическое – когда взрослый человек вдруг ощущает себя пылким, восторженным юношей, почти ребёнком.

Первый петух распелся как-то сразу, быстро – щёлкнул, чуть подождет, щёлкнул ещё раз, и потом – сразу: сдвойка, ещё одна и – вот оно – скрипящее «глухое» колено. Второй петух отозвался почти сразу, с той же стороны, что и первый. Теперь интересно – где запоёт загаданный третий? Два петуха вели свой дуэт – песню за песней, почти совпадая по ритму, но с небольшой задержкой, не синхронно. От этого по лесу рассыпалась своеобразная дробь звуков, напоминавшая треск каких-то далёких залихватских кастаньет.

Но вот послышались первые щелчки третьего петуха, того самого, к которому мы задумали подойти. На нашу удачу, он пел совершенно с другой стороны, нежели первые два и, значит, чем ближе мы будем к нему подходить, тем меньше будут сбивать нас с толку первые две песни. Переглянувшись, мы улыбнулись друг другу на удачу и довольно бодро, делая под глухое колено по три уверенных шага, двинулись вперёд.

Не могу сказать, что подходить к глухарю вдвоём – правильно. Скорее, напротив, это неверно и неосторожно, ведь так гораздо больше шансов подшуметь птицу или спугнуть её, оказавшись неожиданно на виду, но для нас с Иришкой очень важна возможность после охоты обменяться впечатлениями. Поэтому мы и позволяем себе такое нарушение классических правил.

Мы продвигаемся вперёд довольно бодро: глухарь поёт азартно, почти без пауз, песню за песней. Но вот впереди раздаётся хлопанье крыльев и сразу после этого звук песни меняется – он становится глуше и заметно тише, словно петух переместился. Ну конечно же! Глухарь слетел на землю и теперь продолжает петь «на полу». Вот опять – громкий шум крыльев: птица вспархивает вверх, оглушительно молотя крыльями – делает «свечку», дразня соперников и показываясь во всей красе окружающим копалушкам.

Обычно на таком току, каков наш Нежданный – захламлином по низу валежником, кустами можжевельника и мелким подростом – перевидеть поющего на земле глухаря непросто. Самое верное в таком случае – стараться не выскакивать на открытые места, укрываясь за ёлочками или кустами можжевельника и пытаться перевидеть птицу во время вспархиваний.

Замечаю в очередной раз сделавшего «свечку» петуха уже совсем близко – метрах в двадцати пяти. Надо же – как я мог его не заметить раньше? У меня в груди словно что-то взрывается, шею окатывает жаром, совершенно мальчишеский восторг охватывает меня – такой же, как и в самый первый раз, когда я добыл своего первого глухаря. Теперь, когда он выдал себя движением, я понимаю, где он находится, но между нами – очень много веток. Глухарь гордо шествует своим маршрутом, время от времени выдавая песню, мне видна лишь часть его силуэта и я напряжённо жду, когда он появится в просвете между веток, виднеющемся чуть впереди. Иришка замерла сзади, отстав от меня на несколько шагов, то есть нарочно пропустив несколько песен. Понимаю, что она сейчас просто любит и птицей, и разворачивающейся перед нею сценой охоты...

Держу в руках свой старый охотничий дневник. «С вечера ходили на Нежданный, подслуш был хорош. Остались ночевать поблизости. Замечательная ночь у костра. Утром петухи пели хорошо, подходили к третьему. Он слетел на пол и долго красовался перед нами. Любовались. Стрелять в этот раз не стал».

Всего несколько строчек, а в них – целая страница жизни: яркая и очень красивая, как сама Весна! А сколько их ещё, этих строчек, было и сколько ещё будет? Кто знает...

Юрий ШУМИЛОВ

г. Чита, Забайкальский край

Шумилов Юрий Сергеевич родился в Чите 29 декабря 1979 года.

Окончил с отличием в 2003 г. ЧитГТУ по специальности «охрана и рациональное использование водных ресурсов», в 2013 г. – ЗабАИ, специализация «охотоведение».

В сфере охотничьего хозяйства трудится более 15 лет: в 2003-2005 гг. – охотовед Читинского областного охотобщества, 2005-2010 гг. – госинспектор отдела охотнадзора территориального управления Россельхознадзора, 2010-2014 гг. – заместитель начальника отдела охотнадзора территориального управления Росприроднадзора, 2014-2017 гг. – зам. начальника отдела охотнадзора Госохотслужбы, с 2018 г. по настоящее время – зам. начальника отдела охотнадзора охотуправления Минприроды Забайкальского края.

Автор более 50 публикаций в региональных газетах и журналах на охотничью тематику, а также в журналах «Сафари», «Национальный охотничий журнал». В 2017 г. подготовил «Справочник забайкальского охотника: охотничий минимум», в котором с подробными примерами разъяснил требования федерального и регионального законодательства.

Соболь-рыболов

Рассказ

19 марта 2011 года во главе с госинспектором Верхушеным Николаем Андреевичем, водителем, милиционером и местным волчатником выехали на шишиге из Красного Чикоя в рейд на охрану Буркальского федерального заказника. В будке было тесно, так как помимо своих вещей и продуктов везли снегоход с заводскими санями для того что бы развести соль на солонцы, которую безвозмездно ежегодно выделяла администрация ТЦ-1.

Вначале ехали по ледяной дороге – рекам Менза, Буркал и Дербул. По дороге до границы заказника мои спутники просверлили на Буркале около десятка лунок и опустили в них «тычки» – палки с короткими кусками толстой лески и кусками рыбы на тройнике.

К нижнему кордону добрались только к вечеру. Дорога из-за торосов и объезда накатившей заняла около пяти часов.

На следующий день сняли с чердака конские сани подцепили их за снегоход, и парни поехали вниз по реке порыбачить на бормыша и заодно проверить тычки. Под вечер (только стало смеркаться), я как раз находился на улице – доваривал на костре ужин, и услышал, что наш снегоход возвращается к зимовью. Немного подкинул дров в костёр, глядь, а вдоль левого берега в мою сторону бежит навроде как коза, перескочила дорогу и со всего разгона врывается в жердь забора, которым огорожен кордон. Когда она упала, точно увидел, что это кабарожка. Она была в отключке секунды три, также резко соскочила, плавно прошмыгнула между жердей и поскакала дальше вверх по берегу Дербула. Когда подъехали мужики вначале не поверили мне, а когда увидели следы на снегу – вопрос снялся. Рыбаки рассказали, что за весь день не поймали на удочки ни одной рыбки, даже поклевки не было, а вот на тычки попалось несколько мелких и отменных, килограмма по три, налимов. Пока шель-шевели и поужинали, настал глубокий вечер, кто-то догадался выпотрошить налимов и закинуть их на крышу веранды.

Спокойно проспали часа три и вдруг среди ночи слышим возню и грызню на крыльце. Выскочили с фонарями и увидели, что по свежей пороше всё утоптанно свежими следами соболей. Пошумели, посмеялись и легли спать дальше. Утром чуть-свет кто-то из курильщиков заходит и говорит, что у саней сидит соболь и грызёт нашего налима. Все повыскакивали из кроватей и в чём были выбежали на улицу. До гостя было не далее двадцати метров. На наш смех и свист соболь не обращал особого внимания и с упоением продолжал грызть рыбу. Я вернулся в дом оделся и, взяв цифровой фотоаппарат, стал всё ближе и ближе снимать и фотографировать соболя.

Решили, что это молодая соболюшка, которая ещё не видела людей.

Когда после завтрака все вышли и стали шумно собираться, соболь убежал в кусты черёмухи за баню, налима он не утащил, видимо, из-за того, что был тяжелее его или зверёк уже обожрался.

Днём – после обеда – соболь снова пришёл к налиму и стал его грызть, я решил провести эксперимент – отрубил налимом голову, убрал остатки, голову привязал за леску к коновязи. Спрятался в бане, её окно выходило точно на приманку, и стал ждать прихода гостя. Спустя пару минут соболь снова прибежал и стал с остервенением пытаться оторвать приманку. Но, убедившись, что это бесполезно, подтянул голову и стала грызть. Я вышел из бани и подошёл к зверьку на расстояние вытянутой руки. Соболюшка заворчала на меня, но не убежала. Нафотов и наснимав вдоволь, оставил её в покое.

Потом днём затопили баню, когда водитель мылся, увидел в окно, что соболюшке всё-таки удалось оторвать голову и унести её в лес.

Уезжая, оставили у бани остатки налима и объедков для нашей гостьи, присыпав их снегом – от птиц.

Охота, рыбалка и поэзия.....

Поэзия и охота очень близки друг к другу, они как две сестры, дети одной матери – первобытной любви и страсти к природе. И потому такое сходство у охотников с поэтами: и те и другие подвластны магической силе природы и слову о ней.

Сергей ВОРОШИЛОВ

г. Петрозаводск, Карелия

Родился в 1952 году в д. Лопатино Воскресенского района Московской области. В 1970 году переехал в Архангельск, окончил Архангельский лесотехнический институт. В 1976 году по распределению переехал в Карелию (г. Петрозаводск). Работал инженером-механиком на авторемонтном заводе, затем ведущим конструктором в НИИ целлюлозного машиностроения. За время работы окончил аспирантуру при Ленинградском технологическом институте целлюлозно-бумажной промышленности, защитил диссертацию с учёной степенью «кандидат технических наук», получил свыше 50 авторских свидетельств и патентов на изобретения, удостоен почётного звания «Заслуженный изобретатель республики Карелия», награждён медалью ВДНХ.

Кроме поэзии увлекается охотой, рыбалкой, спортом, любит путешествовать. Публиковался в альманахах и коллективных сборниках.

По перволедью

В луч несмелый пухом белым
осыпается снежок.
Поутру спешат карелы на озёрный бережок.
Осторожно походкой проверяют тонкий лёд.
Знают все – по перволёдку
окунь бешено клюёт.

Холод вдарил раньше снега,
в самый раз достать пешню.
Пригорюнилось Онего – приморозило клешню.
За два дня от Вознесенья
встал припай до Повенца*,
как по щучьему веленью, на потеху удалцам.

Застеклило поздновато: на дворе уже январь.
Над деревней дыма вату
солнце красит в киноварь.
Первый лёд колышут воды,
будто нянчат малыша.
Дед Иван, забыв про годы,
лунки рубит, не спеша.

Лунка первая... Вторая... Лёд со спичку.
Мать честна!
Видно, как в воде играет самодельная блесна.
Стужа лезет под одёжку.
Гулким эхом стонет лёд...
Оп! Упрямую рыбёшку дядя Ваня достаёт.

Смотрит ласково со взгорья стародавнее село.
Через радость, через горе
жизнь течёт смертям назло.
– Что ж, дядь Вань, давай за рыбку!
С полкило, поди, горбач!
Расцветает дед улыбкой:
«Водку лить али первач?».

*Повенец и Вознесенье – посёлки на северном и южном берегах Онежского озера.

Охотничья тропа

Через боры, через болота
петляет узкая тропа.
Подъёмы, спуски, повороты.
То дальнотропка, то слепа.
Она бежит по серым скалам,
бревном лежит через ручей,
ползёт сквозь грязи краснотала
черней весенних косачей.

Тут повторит реки изгибы,
там отбежит, спрямляя путь,
скользнёт по камню мокрой рыбой
и станет видимой чуть-чуть.
Зверья и птицы здесь немало
мне посчастливилось найти.
Тропа давно родною стала,
и нет милее мне пути.
В конце ж тропы, в уютном месте,
стоит охотничья изба.
И к ней спешу я, как к невесте,
меня зовёт её труба.

И иногда, при свете свечки
нехитрую отведав снедь,
я в тишине под шёпот печки
опять подумаю, что ведь
путей у человека много,
свой путь у каждого в судьбе,
и жизнь – не ровная дорога,
сродни она моей тропе.
И хорошо, коль жизни тропка,
петляя в брэнной суете,
пусть шаг за шагом, неторопко,
ведёт к теплу и доброте.

Спящая царевна

Улеглись ворчливо вьюги да метели.
Ни травы пожухлой, ни клочка земли.
Не трещат на пожнях больше коростели,
не тревожат зорьку криком журавли.

Подожгло просторы зимнее светило,
брызжет меж деревьев розовый огонь.
Самоцветов горсти для царевны милой
рассыпает щедро властная ладонь.

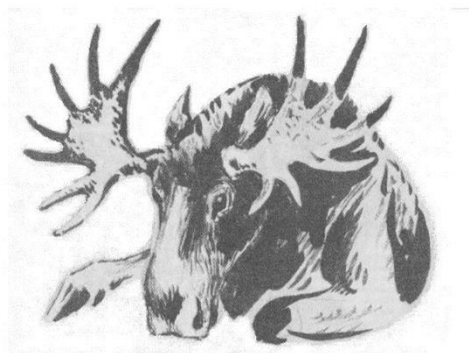
В волосах берёзки диадемой – искры,
в солнечных браслетах белая рука,
на точёной шейке снежное монисто...
Спящая царевна – зимняя тайга.

Серебристой вязью – куропачья стёжка.
След припорошила лёгкая крупа.
Косачи, чернея, теребят серёжки...
Будоражит душу «белая тропа».

Напетлял зайчишка, старый мой приятель.
Покажись, профессор*. Я не трону, слышь.
Тихо в сонном царстве. Только стукнет дятел,
да вспорхнёт синица под шуршанье лыж.

* Профессор (охотн.) – старый, выдавший виды заяц.

Сохатого скорбные очи

Как охотничий зверь лось привлёк внимание поэтов лишь в 90-х годах XIX века. До этого было известно всего три стихотворения о лосях и около десятка коротких стихотворных отрывков.

Когда об этом лесном великане начали писать серьёзно, появилось более двадцати крупных стихотворений и небольших поэм. Помимо охоты на лосей, заканчивающейся смертью животного, здесь и повадки зверя, особенно во время гона, и описание его внешности.

Редакция предлагает вашему вниманию несколько стихотворений русских поэтов-охотников.

Пётр Комаров (1911 – 1949)

Снегопад

Кривые сучья подняты пугливо
К вершинам гор. Тайга молчит, пока
Над ней несут заснеженную гриву
Косматые седые облака.
И в пригоршни игольчатые тихо
Ложится снег. Под елью вековой
Усталая скрывается лосиха
И рядом – лось. Как верный часовой,
Он в даль глядит, и вздрагивают губы,
На них снежинки тают, – и во мгле
Дымятся ноздри. К сумрачной скале
Слетают пара медленные клубы.
Распущены невидимой рукой
Тенёта белые от неба до земли.
Серебряной качает головою
Скрипучий кедр. Над северной рекою
Высокие сугробы залегли.
И вот по ним скользит на лёгких лыжах
Охотник смелый. Влажные следы
Ведут его к сохатому. Всё ближе
Упрямый зверь. Предчувствие беды
Его по насту гибельному гонит.
Лежат рога на взмыленной спине,
И свищет ветер, и следы погони
Покрыты кровью. Выстрел в тишине
Гремит тайфуном. И опять всё тихо.
Давно прошёл таёжный снегопад.
И только лось к испуганной лосихе
Уже не возвращается назад.

1929 – 1940

Борис Пастернак (1890 – 1960)

Тишина

Пронизан солнцем лес насквозь.
Лучи стоят столбами пыли.
Отсюда, уверяют, лось
Выходит на дорог развилье.

В лесу молчанье, тишина,
Как будто жизнь в глухой лошине
Не солнцем заморожена,
А по совсем другой причине.

Действительно, невдалеке
Средь заросли стоит лосиха.
Пред ней деревья в столбняке.
Вот отчего в лесу так тихо.

Лосиха ест лесной подсед,
Хрустя обгладывает молодь.
Задевши за её хребет,
Болтается на ветке жёлудь.

1929 – 1940

Николай Зарубин (1895 – 1937)

Песнь о лосе

Берёзы были из воска.
Из мглы выростали стога.
За мордой огромно и плоско
Повисли седые рога.
Он слушал, дыхания меря
Ноздрями горячими... Зря!
Туманно и тихо над зверем
Краснела полоской заря.
Тихо – ни звяканье дула.
Ни тени – лишь солнечный дым.
С дачи казённой подуло
Шумом далёким, родным.
Шумело, скрипело. Скрывался
Ветра сырой поворот.
И след далеко затерялся
На опухоль синих болот.

Скоро его загонят!
А как его луч золотил!
Он шёл, как будто в короне
Свободы, гордости, сил.
Он рухнет. От синего свода,
От тёплого лога вдали!
Над ним прошумела свобода
С далёкой забытой земли.

1927

Улыбайтесь, господа!.....

Александр ГРАКОВ

станица Выселки, Краснодарский край
Граков Александр Дмитриевич родился в 1949 году в Ташкенте. Детство и отрочество прошли в Донбассе. В жизни перепробовал много занятий на земле и под землёй, имея около тридцати специальностей. О творческих успехах говорит звание лауреата премии «Золотое перо Руси» (2009) и библиография изданных книг. Член Союза журналистов России, МСЖ.

Щука-аллигатор

Рассказ

...Удивить деда Фёдора рыбацкими байками было ни в какую невозможно. Тем более, когда он выпьет.

– Енто што! – пренебрежительно махнул он в сторону огромной варёной головы сома, выложенной на блюдо посреди стола. – Ента хреновина – пескарь в сравнении со щукой, которую мы с кумом Василем как-то заарканили у нас на речке...

– Расскажи, дед! – внук Славка видимо слышал эту историю с различными вариациями (в пропорции с принятой дедом дозой) не раз, поэтому, подмигнув всем, в знак восхищения выставил большой палец. Всё застолье, заинтересовавшись, шумно поддержало его.

– Ну, тады слушайте, – дед опрокинул ещё полкружки «Амаретто» из воинских запасов, зажевал ликёр жареной сомятиной и продолжил: – Было енто году в пидисят седьмом, не то восьмом, когда лысый Никита закармлил нас кукурузой до того, што мы почти поверили – енто и есть мясо. Но мяса один хрен хотелось, так же, как и ентого... хвосфору с рыбы, штобы хучь трошки мозги к коммунистическому будущему подготовить. Была, конечно, в городских магазинах и колбаса всякая варёная, и рыба опять же мороженная аж пяти сортов... А на кой нам мороженная, ежли в речке плющится своя, доморощенная, свежая.

Собрались мы с кумом на серьёзную рыбалку: щук наловить к соседской свадьбе. Соседи нам сказали так – ежли мы их наловим к праздничному столу – подарка приносить не надо, а водкой нас зальют по самый контрольный клапан. Ну, щук в нашей речке – як у дурня махорки, так што в успехе мы не сумлевались. Но для того, штоб наловить много, не опозориться, нужна была хорошая блесна. Енто такая железка блискучая, которую на леску цепляют и с лодки пуляют, а щука, думавши, што енто живец, берет ентот металлолом без промаху.

Да, так вот, в магазине их нету, а шоб самому смастерить, нужна ложка – серебряная либо на худой конец из нержавеющей. Надо сказать, што нержавеющей в те годы ценилась на вес серебра. А ложки той и другой породы хранились в кованых сундуках, разом с самогоном-перваком и чистыми рушниками для особо торжественно-обрядовых случаев. И за каждую ложку моя Фрося, так же, как и Васькина Аня, тряслись как жид над мешком золота. Переучёт они им вели каждый месяц первого числа – тютельница в тютельской.

Свадьба у соседей через почти неделю, так што успевали мы с кумом до расплаты ещё и гульнуть. Ну, ключ под замок сундука в кузне отковать, что два пальца, извиняюсь, об асфальт. Так што на рыбалку через день мы выходили не только с полдюжиной запасных «живцов», но ещё и с литром отменного первача-самогона. Который отмерили из десятилитровой четверти, што стояла в сундуке, долив тут же в бутылку ровно литру чистойшей кубанской водички-артезианки.

Приходим рано-рано утром к речке, только в лодку, а кум: «Федь, а Федь, давай по грамульке перед рыбалкой». – «Нет, – говорю, – Вась, имей терпение. Давай, как Суворов в рекламе – до первой щуки» – «Давай», – говорит. А сам так сожалеюще на банку глядит.

Выплыли мы на середку, кидаю я, кидаю блесну – не берет, стерва-щучина, хучь сам цепляйся на железку. Кум бросил вёсла. «Не так ты, Федька, кидаешь, дай я попробую вправо». Обозлился я: «Да её в какую сторону не швырни – всё одно ко дну идёт – успевай только леску выбирать. Ну на, кидай, ихтиолог долбаный». Кинул он раз, другой, на третий – зацепилось. «Ага, – блажит Васька, – попалась!» – «Здесь, – говорю, – как раз борона затоплена, помнишь, мы зимой под лёд спустили, штобы сетями не браконьерничали? Так што енто она самая тебе и попалась».

Короче, оборвать пришлось блесну. Вторую кум потерял, зацепив какой-то карч на дне. На третью причепился-таки щурёнок-недомерок и тут же ушёл вместе с блесной. То ли леску перекусил, то ли кум слабо её привязал. Тут у меня уже терпение лопнуло: «С твоими закидонами, – говорю, – у нас до вечера маковой росинки во рту не появится. Залазь-ка по новой на вёсла, угробитель блёсен». Повздыхал он, но стерпел, не выразился и перелез. Только, это, я зашвырнул блесну возле островка осоки посеред речки – как хапанёт её что-то! Леска зазвенела, натянулась. А Васька балдеет. «Ты, – кричит, – не помнишь, здесь мы ничего не топили? За што ж ты уцепился, маму твою паровоз переехал!» – «Дурак ты! – ору что есть мочи, а сам леску на кулак мотаю, – продери свои похмельные зенки – водолаз, не иначе, попался». И тут оно как рвануло в сторону – я чуть из лодки не вывалился. А кум глаза выпучил и орёт: «Цепляй леску за корму! Не бойсь, не перервёт, она слона, говорят, выдуживает». Я быстренько обмотал кормовую скамейку, а сам в ответ: «Не знаю, как там у ей насчёт крепости, но прицепилось что-то поболее слона – это точно». – «Не бреши, – успокоился тут же кум. – Поболее слона только колхозный комбайн «Колос». Но что мы его ни по-трезвому, ни по-пьяне здесь не топили – это точно».

Между тем наша лодка вдруг тронулась с места и пошла набирать ход. Вроде как мотор ей к заднице кто приделал. Васька вёсла в воду – и давай в обратную грести. Притормозила лодка, только слышу – затрещала дощечка скамейки. «Брось, – говорю, – весла, а то ента бугаяка нам всю лодку разнесёт на щепки». Посушил он вёсла, ну мы и наблюдаем, куда нас занесёт. Речка у нас неширокая, метров двести – так што ентому мастодонту деваться некуда. Позади нас переходной мост – прошлой весной колхоз сделал – «кладки» называется. Ну, ентот чёрт допёр нас до гребли. Глядим: впереди столб воды – разворачивается, значит. Счас увидим, што нам попалося.

И увидели!

Прям на лодку прямым курсом прёт какое-то обросшее мхом зелёное бревно с разинутой пастью, а в ей зубы – как у пилорамной пилы. «Кум, – ору с переполоху, – ты не слыхал – в нашей речке крокодилы водятся?» – «Не, нашей речке до Амазонки, – говорит, – как твоей Фросе до королевы красоты». Хотел я его веслом оприходовать за ентот комплимент, а тут гляжу: надо мной тень пронеслась, как от самолёта. И кума как ветром сдуло с лодки – только сапоги подковками взблеснули на солнышке. А на дно лодки свалилось енто бревно зелёное – щука оказалась, метров двух с половиной в длину.

– Дед Федь, – не выдержал Славка, – а сколько было метров в вашей лодке-то?

– А ты помолчи, – уничтожающе глянул на него дед. – Баркас у нас был, рыбацкий, а в ём метров пять длины будет смело. Вот такая получилась суеятация: кум в речке пузыри пускает, а я – один на один с ентной хичницей. Видать, увидела лодку, да сдури хотела перемахнуть через неё. А не понимает же, где длина, а где ширина, вот и шмякнулась прям в серёдку. Что делать? Ведь такая ж бугаяка и пароход перевернёт, не то што какую-то задрипанную... – дед опасно взглянул на Славку и продолжил, – пятиметровый баркас. Я – хватъ весло да как шандарахну её по башке, а она в это время как раз подпрыгнула, и я промазал. Зато завопил кум за бортом. Оказывается, он ухватился уже пальцами за борт лодки, чтобы залезть, – ну я и угадал как раз по ентим самым пальцам веслом. Богуёт он в воде, я не знаю, што делать. А ента тварь изловчилась уже мой калош новый за два рубля тридцать копеек зубами переполовинить, хорошо хоть свою клешню успел из него выдернуть. Тут я уже не стерпел – вытянул свой складной нож и воткнул его ей промеж глаз. И угадал, видать – у щуки как раз там крестовина мозга пролегает. Задержалась она, как кум когда-то, когда менял пробку в счётчике и сунул в гнездо вместо пробки палец по запарке. Опосля затихла. Тут влазит в лодку Васька и орёт: «Набулькивай!» Я гляжу на его подмоченный вид – может, думаю, ударился головой о борт, когда в воду падал? «Ты што, мало набулькался, когда круги вокруг лодки нарезал?» – «Нормальный я, – говорит. – Только первую щуку поймали – наливай по такому случаю. Договор был. «Наливай сам, – говорю, – у меня руки после ентого крокодила трясутся. Ведь откусила бы ногу – как пить дать».

Берёт, значить, мой кум из-под лавки енту самую банку с перваком, а у самого такая счастливая рожа – в тот момент в самый раз подошла бы на рекламу какой-нито зубной пасты – вся челюсть с пломбами на виду. И только-только собрался уже крышку содрать с банки, как ента зубастая скотина очухалась и двинула его хвостом по рукам. Банка, естественно, по закону подлости – за борт, а кум – за ней. Честью клянусь, братцы, – дед прижал руки к груди, – такого прыжка я не видел у нашего тогдашнего знаменитого вратаря Льва Яшина, хоть не пропускал ни одного футбола по клубному телевизору. На который мы в то время еле собрали всей станицей, – очень большая редкость, да и свету не хватало... Да, прыгнул Василь, конечно, классно! Но зря, видать – банка быстрее его потонула.

Вынырнул кум злющий, как змеюка, молча сел на вёсла, и мы погребли на берег. Больше мы в ентот день не ловили.

– А как же свадьба, дед Федь? – Славкина Вика была – вся внимание.

– А на свадьбе мы были. Нас туды чуть не на руках занесли, как самых почётных гостей. Оказалось, мы изловили главного поедателя уток и гусей на нашей речке – мужики видали иногда, как щука их утягивала под воду. В неё даже из ружья пуляли не раз – всё без толку...

– А щуку всё ж съели на свадьбе, – помолчав, добавил дед. – Ни на жареху, ни на варево она, ясное море, не годилась, а вот котлеты рыбные получились – пальчики оближешь.

За столом помолчали, обдумывая эту историю. Затем Славка с невинным видом спросил деда:

– Дед Федь, а ты, случаем, не читал про барона Мюнхгаузена? Тоже истории ничего себе...

Дед молча встал из-за стола и вышел из столовой. Вика напустилась на Славку:

– За что старого человека обидел? За то, что повеселил тебя за столом? Ну, пусть неправда, так ты мне на день по десять раз врешь. Что ж, тебя теперь – тоже веслом по голове?

– Да я ничего, но слишком уж неправдоподобно, – вяло отговаривался от жены Славка. – Пусть его языком чешет, мне то что, в конце концов.

Неожиданно вернулся дед Фёдор. Он молча положил перед Славкой картонный квадратик и, сев за стол, плеснул себе «Амаретто». Славка, поглядев на то, что принёс дед, встал со стула и подошёл к нему.

– Дед Федь, ты меня извини, пожалуйста, я не хотел обидеть, просто...

Все обратились к картонному квадратику. Это была фотография, старая, пожелтевшая. Но – впечатляющая. На какой-то толстой опоре, по всей видимости – телеграфном столбе, на вбитом крюке висела гигантская щука, смахивающая больше на средних размеров акулу. По обе стороны щуки стояли два молодых усатых мужика, в одном из которых с большим трудом различались черты теперешнего деда Фёдора. А на заднем плане виднелся длинный праздничный стол, уставленный закусками, бутылками, четвертями и графинами...

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Березенков Николай Васильевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Белавинский Николай Алексеевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна (Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Гутовская Елена Николаевна (Северомуйск, Бурятия)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Зяблова Елена Викторовна (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Каретникова Наталия Владимировна (Москва)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Левшина Любовь Фёдоровна (Северомуйск, Бурятия)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Медведев Иннокентий Петрович (Братск, Иркутская обл.)
Нефёдоров Николай Парфентьевич (Иркутск)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попов Иван Сергеевич (Северомуйск, Бурятия)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Рославский Павел Викторович (Москва)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Тимошенко Надежда Михайловна (Ангарск, Иркутская обл.)
Ткаченко Михаил Петрович (Ангарск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логина** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»

Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.